

Гражданский контроль за судебной властью

Экспертное мнение В.И. Лафитского

Постановка проблемы

В последние двадцать лет в законодательство большей части государств были внесены существенные изменения, обеспечивающие независимость судебной власти.

Но стали ли суды более справедливыми, праведными, милостивыми?

Нет, поскольку, убив одного «дракона», мы породили другого. Устранив либо ослабив давление на суд со стороны иных государственных органов, политических партий, общественных объединений, мы оставили каждого из судей наедине с самим собой, с его пороками и страстями.

Властолюбие

Первый из этих пороков — властолюбие. Судьи, как и простые граждане, любят власть, часто не замечая либо прощая ее ошибки. Так происходит в основном потому, что в сознании судей нет ясного представления о том, что власть должна служить народу, что власть — это, прежде всего, ответственность, а только потом привилегии, что презумпция правомерности действий органов государственной власти — это только презумпция, а не безусловное руководство к действию.

В последние годы в силу разных причин усиливается тенденция к укреплению позиций государства в судах.

Так, в США после трагедии 2001 года многие суды (федерации и отдельных штатов) отдают предпочтение интересам национальной безопасности, а не защите прав человека. В результате, многие действия Администрации, нарушающие конституционные права и свободы, не находят должной оценки в судах.

В России до сих пор существует практика обвинительного уклона при рассмотрении уголовных дел. Суды более восприимчивы к доводам обвинения, а не защиты. Как следствие, в судах общей юрисдикции доля оправдательных приговоров составляет менее одного процента от общей массы рассмотренных дел. Эти традиции «обвинительного» правосудия сохраняет и Верховный Суд РФ. Так, в первом полугодии 2007 года он отменил обвинительные приговоры только для 132 лиц, в отношении 2130 лиц приговоры были оставлены без изменений¹.

Обвинительный уклон в правосудии искажает роль суда как арбитра в спорах между государством и отдельными лицами, между обществом и государством, в спорах физических и юридических лиц между собой.

Другая грань властолюбия — упоение собственной властью. Каждый, кто был в судах, наверное, видел либо испытал на себе высокомерие, грубость либо неуважение судей к простым участникам процесса, к тем, кто не является представителем власти либо не имеет высокого положения в обществе.

Иногда судьи утрачивают чувство реальности. И чем большее количество дел они рассматривают, тем слабее это чувство становится. В сознании судьи создается устойчивое восприятие собственного «я» как олицетворения правосудия и спра-

¹ См. официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации.

ведливости. Процесс такого преломления в сознании судей в период Якобинской диктатуры Анатоль Франс описал так:

«Когда процессуальные формы упростились, они почувствовали себя превосходно. Сокращение судопроизводства удовлетворяло их. При его ускоренном темпе уже ничто их не смущало. Они осведомлялись только об убеждениях обвиняемых, не допуская, что можно, и не будучи злодеем, мыслить иначе, чем они. Они полагали, что обладают истиной, мудростью, высшим благом, и поэтому приписывали своим противникам заблуждения и злобу. Они чувствовали себя сильными: они воочию зрели бога...»².

Не правда ли, знакомая картина для многих судов, действующих в наши дни?

Корысть

Коррупция — это явление, которое существует в судебных системах всех государств. Не случайно в 2007 г. Организация «Трансперенси Интернешнл» свой ежегодный Всемирный доклад по коррупции посвятила именно этой теме³.

В указанном документе, в частности, приведены следующие данные. Согласно опросам населения, из основных участников судебных процессов взятки дают 21 % (в Африке), 18 % (в Латинской Америке), 15 % (в СНГ и Азиатско-Тихоокеанском регионе), 2 % (в США) и 1 % (в Европейском Союзе)⁴.

Еще одно свидетельство. Согласно оценке Специального докладчика ООН по вопросам независимости судей и юристов, в Мексике коррумпированы от 50 до 70 % федеральных судей⁵.

От судей многое зависит. Им дано право распоряжаться судьбами других людей. Они могут осудить либо простить, стать благодетелями либо палачами. Они могут ускорить либо замедлить рассмотрение дел, принять либо отказать в удовлетворении жалоб и ходатайств. Часто этот выбор зависит от того, дадут или не дадут им взятку.

В российском юридическом сообществе уже давно сложилась поговорка: «В суде не нужен знающий юрист, нужен юрист заносчивый». Иными словами, необходим тот юрист, который может дать («занести в суд») взятку. Действительно, очень часто в уголовных, гражданских, арбитражных делах клиентов интересуют не квалификация либо опыт адвокатов, а то, с кем из судей они состоят в «особых доверительных» отношениях.

В борьбе с коррупцией в основном применяют два способа. Во-первых, повышают оклады судей. Но эта мера недостаточна, поскольку с ростом денежного содержания растут и запросы судей. Перед ними открываются новые горизонты, новые возможности и соблазны. Второе средство — устанавливают контроль за доходами и расходами судей. Но это средство недействительно, во многом по той причине, что оно противоречит принципам независимости судебной власти и неприкосновенности судей.

² Франс А. Боги жаждут. Глава XXII // Собр. соч. М., 1959. Т. 6. С. 656.

³ Transparency International. Global Corruption Report 2007. Corruption in Judicial Systems. Cambridge, 2007.

⁴ Там же. Р. 11

⁵ Report of the Special Rapporteur on the Independence of Judges and Lawyers. Dato'Param Kumaraswamy, Submitted in Accordance with Commission on Human Rights Resolution 2001/39. Addendum. Report on the Mission to Mexico.

Цинизм

Цинизм — неотъемлемое требование правосудия. Каждый из судей должен быть циничным. Иначе он не сможет вести судебные дела. Проблема заключается в том, чтобы он не переступил грань разумного.

Цинизм в судебской деятельности проявляется по-разному. Одно из его проявлений — принятие решений без всестороннего изучения дел.

Приведу в этой связи одну историю. В январе 1993 г. я выступал в Сенате Конгресса США на конференции, посвященной конституционной реформе в России. Вместе со мной сопредседателем была Сандра О'Коннор, судья Верховного Суда США. Воспользовавшись этой возможностью, я задал ей несколько вопросов, в том числе о том, читают ли судьи Верховного Суда все документы по тем тысячам дел, которые ежегодно поступают на их рассмотрение. Она мгновенно ответила: «Нет». А потом, задумавшись, сказала: «Впрочем, я стараюсь прочесть все». Как отмечали многие коллеги Сандры О'Коннор, ее всегда отличала невероятная работоспособность. Но все ли судьи способны на столь самоотверженное служение долгу?

Многие судьи в Соединенных Штатах, в других странах, в том числе России, ленятся прочитывать материалы тех дел, которые находятся на их рассмотрении, довольствуясь кратким изложением их содержания. Отсюда такое большое число судебных ошибок во всех государствах, без исключения.

Следующее не менее тяжкое проявление цинизма — забвение милосердия. В судах все меньше остается места для сострадания и сочувствия к тем, кто преступил закон.

Многие судьи без тени смущения выносят обвинительные приговоры только из опасения, что их могут обвинить в мягкотелости либо коррупции. По тем же соображениям они осуждают к лишению свободы, забывая о том, что закон допускает применение других, более мягких, мер наказания.

Они не учитывают то обстоятельство, что места лишения свободы (тюрьмы, колонии) в основном стали школой преступности. Они не задумываются над тем, каковы условия содержания осужденных, с какими нравственными страданиями столкнутся их родные и близкие. Часто осуждение к лишению свободы становится приговором к смерти. И судьи знают это.

Еще одно проявление цинизма — отказ в правосудии, непризнание законного права, неисполнение правомерных требований.

Отказ в правосудии может проявляться по-разному: не принимаются исковые заявления, их подача сопряжена с невыносимыми условиями, затягивается судопроизводство, суды не применяют те нормы, которые должны быть исполнены. Такая практика существует везде. Поэтому приведу лишь притчу о Законе Франца Кафки:

«Вот что сказано во Введении к Закону. У врат Закона стоит привратник. И приходит к привратнику поселянин и просит пропустить его к Закону. Но привратник говорит, что в настоящую минуту он пропустить его не может. И подумал проситель и вновь спрашивает, может ли он войти туда впоследствии? «Возможно, — отвечает привратник, — но сейчас войти нельзя»... Привратник подал ему скамеечку и позволил присесть в сторонке, у входа. И сидит он там днем за днем и год за годом... Приходит старость... Уже меркнет свет в его глазах, и он не понимает, потемнело ли вокруг, или его обманывает зрение. Но теперь, во тьме, он видит, что неугасимый свет струится из врат Закона. Но жизнь его приходит к концу. Перед смертью все, что он испытал за долгие годы, сводится в его мыслях к одному вопросу — этот вопрос

он еще ни разу не задавал привратнику. Он подзывает его кивком — оочевнее тело уже не повинуетя ему, подняться он не может. И привратнику приходится низко наклониться — теперь по сравнению с ним проситель стал совсем ничтожного роста. «Что тебе еще нужно узнать? — спрашивает привратник, — Ненасытный ты человек!». — Ведь все люди стремятся к Закону, — говорит тот, — как же случилось, что за все эти долгие годы никто, кроме меня, не требовал, чтобы его пропустили?» И привратник, видя, что поселянин уже совсем отходит, кричит изо всех сил, чтобы тот успел услышать ответ: «Никому сюда входа нет, эти врата были предназначены для тебя одного! Теперь пойду и запру их»⁶.

Зависть

Зависть часто проявляется в поступках судей. Так происходит потому, что этот порок не знает пределов. Как и ревность, она может быть направлена на любой объект: молодость, интеллект, красоту, материальный достаток и прочее.

Давно подмечено, что судьи-мужчины более снисходительны к молодым и красивым женщинам и, напротив, более ревностно воспринимают состоятельных, одного с ними возраста мужчин. Судьи-женщины с большим участием воспринимают проблемы подростков, матерей, а также женщин, обремененных заботами о быте и семье.

Вспоминаю рассказ моей знакомой, которая долгие годы была судьей в Московском городском суде: «Казалось, все просто. Я должна была вынести приговор по делу о нанесении телесных повреждений потерпевшей. Обвиняемый — ее муж. Все свидетельствовало против него. Кроме одного — самой потерпевшей. Она была молода, красива. В сравнении с ней я выглядела ужасно. В ней все раздражало. Наверное, поэтому я вынесла оправдательный приговор. А через несколько дней потерпевшая была убита. И ее бывший супруг вновь предстал перед судом...».

В этой истории, как в зеркале, отражены глубинные проблемы правосудия. Судьи — такие же люди, как все, и подвержены тем же порокам. Судейская мантия, иные атрибуты власти не могут изменить либо обуздать людские пороки. Напротив, они часто только крепнут, находя себе поддержку в той власти, которой наделены суды.

Невежество

Следующий порок — невежество. Несмотря на все усилия, в судейском корпусе все еще остается много случайных людей с низким профессиональным и общеобразовательным уровнем.

Конечно, виной тому низкий уровень многих юридических вузов. Так изначально закладывается шаткий фундамент судейского корпуса.

Не меньшее зло приносит лень либо нерадивость судей. Многим из них недосуг заниматься повышением собственного профессионального уровня. Так, в судебных решениях крайне редко содержатся ссылки на международно-правовые нормы. И происходит это не потому, что судьи их не воспринимают, а потому что не знают.

В этой связи, конечно, можно сказать, что все суды (особенно общей юрисдикции) перегружены. В конвейере судопроизводства они не успевают разобраться в сути многих дел, подготовить обоснованные, хорошо аргументированные решения. И уж тем более им не хватает времени на самообразование.

⁶ Кафка Ф. Процесс // Кафка Ф. Избранное. М., 2001. С. 177–178.

Но разве это может служить оправданием? Очевидно, что нет, поскольку цена судейского невежества огромна: поломанные судьбы, имущественные потери, и что самое важное — утрата веры в то, суд действительно может быть судом.

Страх

Страх — это шестой порок, который искажает суть правосудия. Нередко судьи боятся выносить приговоры преступникам, входящим в преступные группировки. В общем, их можно понять, поскольку государство не в состоянии предоставить им защиту и обеспечить безопасность близких им людей.

Приведу пример из практики российских судов середины 1990-х годов. По рассказу одного из судей, однажды на процессе крепко сколоченные парни пытались в открытую его шантажировать, нарочито громко повторяя имя его дочери либо передавая по кругу фотографии членов его семьи.

Сталкиваясь с подобными ситуациями, многие судьи предпочитали уйти в отставку, чем поступиться профессиональным долгом.

Следующее проявление страха — развитие комплекса неполноценности. Как следствие, судьи не могут раскрыть свой творческий потенциал. Наверняка, многие обращали внимание на то, как скупы судьи обосновывают свои решения, как часто они используют стандартные, заимствованные из других решений формулировки. За ними ничего не стоит, кроме одного — желания скрыться за фасадом слов, к которым прежде никто не придирался.

Конечно, в некоторых случаях страх имеет целительное свойство: боязнь совершить ошибку — одно из самых действенных средств, которое существенно повышает профессиональный уровень судов. Но, к сожалению, такое происходит редко.

Бездуховность

И последний порок — бездуховность. Для меня очевидно, что без духовной идеи судьи всегда будут оставаться во власти тех пороков, о которых сказано выше: властолюбия, корысти, цинизма, зависти, невежества и страха.

Но религия изгнана из наших судов. Там нет икон. Вместо них висят портреты президентов, нынешних и прежних, как будто бы они могут поддержать в поиске истины.

Конечно, в наше время, когда религия отделена от государства, когда раскол между ними освящен Конституцией, эти суждения, скорее всего, вызовут отторжение. Но я глубоко убежден, что только в единении с религией правосудие может обрести утраченные силы.

Ведь только глубоко верующий судья не подвержен многим порокам. В нем заложен страх перед Высшим судом. В его сознании постоянным рефреном звучат, в зависимости от его веры, наставления Библии, Корана, других священных книг.

Так, для судей, верующих в Иисуса Христа, главное — следовать Его завету: «Суд... состоит в том, что свет пришел в мир».

Из этих Слов можно извлечь три урока.

Первое. Милосердие должно стать основным, высшим по своей нравственной силе средством борьбы со злом.

Второе. В своей профессиональной деятельности судьи должны стремиться «к свету». В ней не должно быть тайн, если только того не требуют интересы борьбы со злом. Во всем остальном деятельность судей должна быть открытой. Если в них не будет «света», общество не будет им доверять.

Третье. Судьи должны быть «воинами света». Конечно, эта роль бесконечна трудна. Она требует постоянных усилий. В наше суетное, жестокое время сложно сохранить нравственные христианские устои. Но плоды такого подвига бесценны. В нем — залог действенности права, залог того, что суть правосудия не будет не извращена.

Что делать?

Очевидно, что существующее право не содержит действенных средств борьбы с пороками правосудия. Процессуальные кодексы, как правило, таких вопросов не затрагивают. Правила либо кодексы судейской этики в основном ограничиваются лишь общими фразами.

Не достаточно эффективна и такая форма, как квалификационные коллегии, дисциплинарные комиссии, иные органы судейских сообществ. Несмотря на то, что многие из них проявляют высокую активность⁷, остаются сомнения в том, могут ли судьи быть судьями в своем собственном деле.

Поэтому в поисках иных средств защиты от порочных судей обратимся к опыту прошлого.

Первое средство — тщательный отбор судей.

Так, по свидетельству Ветхого завета Моисей избирал судей «из людей способных, боящихся Бога, людей правдивых, ненавидящих корысть»⁸. Иными словами судьей мог стать только тот, кто отвечал следующим критериям: обладал интеллектуальными способностями, были богобоязненным, правдивым, бескорыстным.

Второе средство — тщательная подготовка судей, включающая меры этико-правового воспитания.

Так, в кельтском мире будущие судьи (судьи-брегоны) должны были обучаться праву не менее 20 лет. Они проходили особые обряды воспитания и посвящения. О том, каким было их воздействие, можно судить по рассказам древних ирландских саг. Если судьи-брегоны выносили несправедливые решения, их лица покрывались красными пятнами. Такие последствия были вызваны не только страхом понести имущественную ответственность за совершенные ими судебные ошибки, но и действием особых приемов воспитания, в которых использовались элементы гипнотического воздействия.

Третье средство — открытость судопроизводства.

Так, Старшая Эдда, древнейший памятник Скандинавии, уходящий корнями в далекое прошлое, рассказывает о том, как судьи-законоговорители создавали нормы или руны права: «Их слагают, их сплетают, их составляют на тинге таком, где люди должны вершить правосудье»⁹. Там, на тинге — народном собрании — не было тайн. Все было открыто, каждый был участником великого таинства правосудия — изначального и, вместе с тем, конечного пункта развития права.

Четвертое средство — строгое соблюдение судебных и досудебных процедур.

Законы Ману так описывают судопроизводство в Древней Индии: «Царь, желая рассмотреть судебные дела, пусть явится подготовленным в суд вместе с брахма-

⁷ Так, например, в России в 2006 г. по решению квалификационных коллегий судей досрочно были прекращены полномочия 73 судей, а в отношении 312 судей были вынесены предупреждения.

⁸ Исход, глава 18.

⁹ Старшая Эдда. М., 2000. С. 242.

нами и опытными советниками. Там, сидя или стоя, подняв правую руку, в скромной одежде и украшениях, надо рассматривать дела тяжущихся сторон...»¹⁰.

Пятое средство — нравственное совершенствование судей.

В древнем Китае судьи проходили особые обряды, которые должны были подготовить их к осуществлению функции правосудия. Они уединялись в горах и очищали свои души в молитвах и гимнах, совершали очищающие омовения, постились и молились. Основная функция правосудия в китайской традиции — поддержание мира. В этой связи уместно привести следующее высказывание Конфуция: «Я не хуже других разбираю тяжбы, но лучше бы их вовсе не было»¹¹.

Это — общая цель, которая должна объединять суды и общество в целом.

Шестое средство, и возможно, самое действенное — контроль общества за судьями.

Во многих цивилизациях прошлого, в том числе в Древнем Риме, судьи не только назначались, но и смещались с должности по волеизъявлению народа. Такой порядок формирования судейского корпуса и ответственности судей в наши дни действует в очень небольшом числе государств¹². Как следствие, практически повсеместно суды вырождаются в закрытые корпорации, расшатывающие устои государства и общества.

¹⁰ Законы Ману, 8: 1–2.

¹¹ Лунь Юй, 12: 13.

¹² В частности, в отдельных американских штатах судьи назначаются legislatures либо избираются населением на определенный срок (в Нью-Йорке на 14 лет, в Калифорнии, Делавэре, Миссури, Вирджинии, Западной Вирджинии — на 12 лет).